

Сергей Тулупов

*Город железного
гостеприимства*

Зарисовки горожанина

Сергей Тулупов

Город железного гостеприимства

«Издательские решения»

Тулупов С. Н.

Город железного гостеприимства / С. Н. Тулупов —
«Издательские решения»,

Сборник миниатюр и рассказов о многогранной жизни города не только трудовых, спортивных и культурных достижений, но и железного гостеприимства.

© Тулупов С. Н.
© Издательские решения

Содержание

Галерея персонажей из закоулков памяти	6
Полукрепостной инженер	6
Воспитатель	9
Вечный оппозиционер	11
Найти и обезвредить!	14
Сомневающийся холостяк	16
Рассказчик	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Город железного гостеприимства
Зарисовки горожанина
Сергей Тулупов

© Сергей Тулупов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Галерея персонажей из закоулков памяти

Полукрепостной инженер

Где-то в конце семидесятых годов прошлого века, в Череповце, в крупном промышленном городе Вологодской области. Весна уже успела обнажить загаженные за зиму газоны, а коммунальщики по традиции не спешили их убирать, дожидаясь очереди ленинских субботников, приуроченных ко дню рождения самого человеческого вождя всех времён и народов.

Группа добровольных народных дружинников из вспомогательной службы одного из заводов города железного гостеприимства с красными повязками на рукавах пальто и курток бодренько вышагивали субботним днём плавно переходящим в вечер по улице Краснодонцев, вокруг всё было спокойненько.

Наверное, все потенциальные нарушители общественного порядка, мелкие хулиганы и алкоголики с испугу попрятались «от греха подальше», от бравых дружинников во главе с рьяным секретарём партийной организации, успевшим рассказать двум молодым инженерам, будущим работникам вычислительного центра о своих многочисленных туристических вояжах в страны народной демократии.

Увлечённо и с подробностями поведал мелкий функционер о том как «культурно» он проводил время, попивая чешское пиво или венгерское вино, и сколько и каких импортных вещей привёз в родные пенаты.

Неожиданно партиец прервал свой монолог, обратив внимание на группу молодых женщин с сумками и сетками, наполненными скудным ассортиментом товаров и продуктов, на противоположной стороне улицы. Одна из них что-то выкрикивала, обращаясь в сторону дружинников, а затем направилась к ним, по диагонали пересекая дорогу, благо автомобилей на дороге в выходные дни было немного.

– А я кричу, кричу тебе и руками машу, а ты ноль внимания, – обратилась молодая дама к одному из доблестных защитников правопорядка, не доходя метров десяти. – Ты чего Арсений, не узнаёшь? Мы вместе учились в группе на первом курсе в политехе, а потом мне пришлось уйти в «академку» и доучиваться заочно. Я Таня, с рабфака, – добавила бывшая студентка, и как оказалось, уже мать двоих близнецов и замужем, живёт в Волховстрое.

– Привет! Рад тебя видеть. Извини, что сразу не узнал, очки в общаге забыл, – оправдался бывший студент перед приятной, немного полноватой светловолосой женщиной с зелёными глазами, медленно вспоминая образ стройной девушки, которая на втором курсе как-то внезапно исчезла из поля зрения.

– А как ты оказался в этом городе, чем занимаешься? семьёй обзавёлся? – защebetала Татьяна, по-женски оценивая бывшего однокурсника.

Главный и рядовой дружинники прошли на несколько метров вперёд по тротуару и остановились в ожидании. Некоторое недовольство читалось на лице партийца, вынужденного прервать свой монолог о путешествиях в соцстраны.

– У меня всё нормально, попал на завод по распределению, недавно назначили старшим инженером-экономистом, живу в общежитии, женат, в феврале родился сын. Супруга оканчивает четвёртый курс нашего факультета. А что ты в нашем городе делаешь? – продолжил молодой специалист, не зная как ему быть, до конца дежурства оставалось более двух часов, а в кармане жалкая пятёрка из наличности – особо не разгонишься.

Это в зарубежных фильмах мужчина красиво приглашает, случайно встретив знакомую женщину в кафе или бар, где они могут продолжить приятную беседу в воспоминаниях за чашкой настоящего кофе и бокалом приличного вина.

В суровой действительности промышленного советского города, а скорее большого рабочего посёлка вариантов практически вообще не просматривалось, ну, если только зайти в ближайшую кулинарию, скорее забегаловку с высокими круглыми столами без стульев, чтобы граждане долго не задерживались. Там можно было выпить стакан кофе с молоком и отведать выпечки.

– А мы здесь на экскурсии по линии профсоюзов, за покупками приехали на автобусе, вот кое-что удалось детям купить и немного продуктами разжиться. У нас снабжение в городе хуже вашего, несмотря на близость к Ленинграду. Да уже через час выезжаем обратно, – ответила молодая мать двоих детей, похорошевшая от встречи с однокурсником из студенческого прошлого.

– Девушка, вы нас извините, но вашему приятелю пора идти. Он на дежурстве и при исполнении общественной обязанности, – прервал парторг диалог бывших студентов, испытывающих когда-то давно, в прошлой жизни небольшие симпатии друг к другу, а теперь только крохотную ностальгию по относительно свободной от обязательств юности.

– Ну, вот, не повезло, а то хотел тебя в кафе пригласить и выпить по чашечке кофе – соврал молодой папаша, мысленно радуясь, что легко отделался от немного назойливой расплывшей дамы с сумками и авоськами из бывшей студенческой жизни.

А потом стало стыдно за свои мысли и нынешнее положение полукрепостного инженерно-технического работника, когда сам себе не принадлежишь и от всего и всех зависишь, в том числе от болтливого мелкого партийного функционера. Особенно, когда за душой, кроме койко-места в общежитии и неясной перспективы получения когда-нибудь в отдалённом будущем квартиры, ничего нет.

Даже возникшее желание послать партийца куда-нибудь подальше, пришлось с улыбкой подавить. Без членства в партии, пусть и формального в советской стране ИТРу вообще не пробиться.

– Запиши мой телефон и адрес, вдруг в командировке или по какой-то надобности в наших краях окажешься, – продиктовала свои координаты, прощаясь, молоденькая женщина.

Едва успел записать их на клочке бумаги, догоняя своих коллег по правопорядку, «крупный специалист» по дежурствам, субботникам и шефской помощи селу по уборке картошки и сушке зерна, а также любых погрузочно-разгрузочных работ, хотя всего меньше года проработал Арсений на сталепрокатном заводе.

Под неугомонную болтовню партийного секретаря о своих достижениях, дежурство успешно продолжилось. Впереди маячил май месяц, а значит добровольно-принудительное участие в посевной кампании в подшефном совхозе, возможно, и без выходных, но за отгулы.

Всё-таки не пятидесятые годы. Это у них, там, «на загнивающем западе» или развивающемся востоке, в те годы работающий инженер, возможно, был специалистом, уважаемым человеком и свободной личностью.

А в нашей стране к концу семидесятых годов инженеры и научные работники окончательно превратились в бесправных крепостных великой военной империи победившего социализма, а точнее партийной бюрократии.

Была ли альтернатива у людей с высшим инженерным образованием.

Даже две: гегемон-пролетарий или бомж.

**ВЕДЬ СЕПЕНЬ СВОБОДЫ ОПРЕДЕЛЯЕТСЯ НЕ ТОЛЬКО ДЛИНОЙ ПОВОДКА,
НО И В ЧЬИХ РУКАХ ОН НАХОДИТСЯ.**

Воспитатель

Начало восьмидесятых годов прошлого века, город железного гостеприимства металлургов и химиков, ставший впоследствии для Сергеевича почти родным.

Суббота в рабочей общаге. Делать было нечего. Арсений, старший инженер-экономист вычислительного центра завода резался с приятелем, соседом по комнате в карты, то в «Подкидного дурака», то в «Буру».

Тишину, прерываемую репликами игроков, внезапно нарушил стук в дверь.

Володя, высококвалифицированный рабочий родом из Украины открыл дверь, в которую тут же ввалился чеховский персонаж из позапрошлого века, на вид лет тридцати в очках и мешковатом костюме на вырост, с поплавком на лацкане пиджака.

Персонаж поздоровался и представился: – Я ваш новый воспитатель по общежитию, Константин Константинович, окончил Энский университет, исторический факультет, сегодня первый день на работе. В азартные игры играть запрещается, поэтому ваши карты забираю.

– ПРИЕХАЛИ, какой-то там ПОЦ собирается диктовать, как нам жить и это на третьем году проживания в рабочей общаге, – подумал Сеня.

Ответ последовал в стиле анкеты или автобиографии, которых Арсений уже успел заполнить и написать не менее десятка в короткой трудовой деятельности: – ВО-ПЕРВЫХ, перед вами не дети, а взрослые люди. Володя недавно развёлся, работает в калибровочном цехе, волочилыщик пятого разряда, занимается общественной работой, художник-оформитель, ему 27 лет. Мне 28 лет, женат, сыну два года, имею два высших образования: окончил Ленинградский политех и Университет марксизма-ленинизма, член КПСС. Начальник бюро, рационализатор, у меня в подчинении более десяти человек. ... Пауза.

– По общественной работе: командир ДНД в вычислительном центре и председатель заводского совета молодых специалистов, аспирант заочник. Вынужденно живу в общаге. Кстати мы оба с моим приятелем служили в армии, он сержант, а я лейтенант запаса. ВО-ВТОРЫХ, играли мы не на деньги, а на счёт. Просто убивали время, а это не запрещено, поэтому карты не отдадим, – закончил почти на одном дыхании монолог Сеня.

Воспитатель от убедительного изложения такой жизненной позиции несколько смутился. Оправдываясь, начал лепетать о проблемах: найти достойную работу и жильё после университета, и что ему обещали комнату в общежитии.

Наслаждаясь полученным эффектом и почувствовав себя на секунду в роли Остапа Бендера, Арсений добил новоиспечённого наставника: – А как насчёт службы в армии? Вы в каком полку служили? Какое у вас воинское звание?

Окончательно обескураженный и добитый последними вопросами об армии, школе жизни для настоящего мужчины в советской империи, Константин Константинович начал оправдываться и мямлить об отсутствии военной кафедры в их университете и, извинившись за беспокойство, повернулся бочком и собрался уходить.

– Постарайтесь случайно к кому-нибудь из «Рексов» не попасть в комнату, а то они непредсказуемы и ваш визит могут неправильно расценить, – последовало вдогонку от артистично разошедшегося Сени.

На вопрос окончательно запуганного воспитателя: – Кто такие Рексы?

Обладатель законного койко-места посоветовал ему обратиться к коменданту общежития с нежной фамилией: Колотушкина и вместе с ней составить список комнат не желательных для проверки.

Больше этого горевоспитателя в заводской общаге увидеть Арсению не пришлось, а вскоре он с семьёй перебрался в двухкомнатную квартиру в новом доме....

«Рексами» в промышленном городе железного гостеприимства называли доблестных тружеников управления Центродомнаремонт, бесшабашных парней, любителей выпить, скандалистов и драчунов. Большинство родом из сельской местности, многие из которых имели судимости.

А главное, у них был свой фирменный знак: нарисованный чёрной краской или углем пёс, который частенько украшал стены заводских объектов, где они пахали. Не имея своего, жили в чужом общежитии по договорённости между руководством их организации и сталепрокатного завода....

В начале этого века Арсений случайно заметил в трамвае знакомое лицо. Почти не напрягаясь, вспомнил бравого воспитателя из общаги, Константина Константиновича, постаревшего, слегка похожего на бомжа, в очках-блюдцах и в потёртом мешковатом на вырост костюме с поплавком на лацкане пиджака ещё с тех времён. В общем, типичная жертва времён перестройки и лихих девяностых годов, каким-то образом выжившая, и не от мира сего.

Вспоминая прошлое, Сене стало немного стыдно за тот свой артистический монолог в форме полупуточного представления. Не раздумывая, уже немолодой мужчина, не сломавшийся в бурной социально-экономической жизни общества, решил немного задобрить знакомого из прошлого, тем более вышли они на одной остановке.

– Константин Константинович? – обратился он к нему.

– Да, а откуда вы меня знаете? – удивился несостоявшийся Макаренко.

– Вы у нас в общежитии на улице Краснодонцев около полугода воспитателем трудились не покладая рук. Вот возьмите и выпейте пива за здоровье бывших «воспитанников», – подав небольшую сумму денег удивлённому инженеру человеческих душ, Арсений быстро обогнал его и отправился по своим мирским делам.

Вечный оппозиционер

В конце семидесятых годов прошлого века СССР был в зените военного и политического величия. Краеугольным камнем сдерживания беспокойного сознания наиболее активной массы народа в рамках системы оставалась идеологическая работа Компартии Советского Союза в производственных, научных и иных коллективах, а также контроль со стороны соответствующих силовых органов и через кадровые службы.

Виктор Станиславович, около тридцати лет, беспартийный, профессиональный программист об этом, конечно же, знал или догадывался, но в силу своего пытливого ума и неутомного характера, а также потребности в общении на социально-экономические темы не придавал этому серьёзного значения и не задумывался о последствиях.

Многие из нас «послевоенных» с высшим образованием любили поболтать о противоречиях и недостатках нашего развитого социализма в узком кругу и желательно, не в рабочее время, а где-нибудь на кухне или на даче под хорошую выпивку, иногда с достойной закуской.

Наш герой, имеющий много свободного времени после развода с женой, начитался популярной литературы в основном из доступных источников, а может, наслушался западных радиоголосов – решил поделиться своими соображениями с широкими массами.

В отсутствие интернета, свободной прессы и возможности пригласить народ на внеплановый митинг В.С. как-то незаметно умудрялся собирать около десятка слушателей в офисном помещении, где плодотворно и успешно трудился над заданием по основной специальности.

Благо квалификацию он имел высокую и времени свободного предостаточно. Размеры помещения позволяли в короткие периоды отсутствия начальства принимать несколько гостей из служб информационно-вычислительного центра (ИВЦ), иногда заглядывали и посторонние.

Коллектив ИВЦ был молодой, и долгое время малолюдный, а своей предельной численности под двести человек достиг совсем недавно, да и балластом в виде жён и подруг влиятельных начальников обзавёлся только в последние полгода.

Возможно, поэтому Виктор долгое время удачно выпадал из зоны внимания немногочисленной парторганизации ИВЦ и кадровой службы завода, в те времена не только основного профессионального контролёра, но и барометра идеологического климата предприятий и организаций.

Тем более главным кадровиком нашего завода был бывший 2-й секретарь городского комитета партии, Сергей Михайлович.

Со стороны было интересно наблюдать и ждать, чем закончатся ежедневные вещания из-за своего стола как с кафедры, неоперившегося диссидента.

Подсказки со стороны коллег об аккуратности и умеренности в высказываниях наш глашатай во внимание не принял и продолжал наращивать свою «пропаганду». Балласт же в коллективе был не простой.

ВО-ПЕРВЫХ, в ипостаси инженера-постановщика задач и заместителя по идеологии секретаря парторганизации выступала Светлана, она же жена кадровика завода.

ВО-ВТОРЫХ, в роли инженера по технической информации и старейшего члена в нашей парторганизации – Полина, бывшая сослуживица второго секретаря по горкому партии.

Не дождавшись, Сергеевич был направлен в город герой труда Липецк, на месячные курсы повышения квалификации, которые успешно закончил.

В конце лета в хорошем настроении он вернулся на завод, не подозревая о пронесшейся буре над головой Виктора и административно-партийного руководства вычислительного центра.

Проходя в первый рабочий день после курсов мимо группы курящих сотрудников, поздоровался с каждым за руку, странно только один В.С. не ответил на рукопожатие, а только кивнул. Может, обиделся на что-то, но вроде повода для обид не было. Тем более, больше месяца не виделись.

Заглянул в гости и поинтересовался в шутку у своей коллеги и секретаря парторганизации, Елены, не она ли своему сотруднику выдала такое указание: не здороваться за руку.

В ответ услышал интересный рассказ о том, что он не с кем за руку последние две недели не здоровается, а многих подозревает в стукачестве. Что её вызывал секретарь парткома завода, начальника ИВЦ – Александра Ивановича отчитал «на ковре» директор предприятия, а В.С. пригласили в КГБ города.

Все получили продолжительные и подробные разъяснения: – Откуда и как должны правильно расти ноги и прочие конечности», и какие могут быть для каждого последствия.

Первая и единственная мысль, которая пришла в голову Сергеевичу: – Интересно, кто всё-таки добежала первой и грамотно изложила своему мужчине об идеологическом диверсанте, Полина или Светлана.

О своих подозрениях ни с кем делиться не стал, тем более с пострадавшим. КТО ВИНОВАТ? и ЧТО ДЕЛАТЬ? – всё равно никто не знает в России уже более 150 лет.

А вот Виктор Станиславович мог себя проявить неадекватно. Через некоторое время по мягкому и сглаживающему поведению идеологических дам по отношению к нашему герою стало понятно: наперегонки не сговариваясь, бегали обе подруги, а кто первой добежал уж и не важно.

Никто не ожидал такого жёсткого результата, а женщинам нужно было оправдать балластное существование на бластных должностях и в тёплом для них месте. Если бы не они потопились, то нашёлся другой «патриот», идеологически больной на голову. Много их тогда таких было...

В начале этого века, Сергеевич как-то созвонился с бывшим коллегой по работе, Сергеем Александровичем. Он рассказал, что к нему заходил Виктор Станиславович и вернул давнишний денежный долг.

Вид у него был бомжатский, живёт в сельской местности и настроен воинственно: у них есть списки «новых русских» в нашем городе и скоро до всех доберутся. В общем – опять в оппозиции.

– Хорошо, что мы с тобой не «новые русские», – в ответ пошутил Сергеевич приятелю, не подумав о том, а какие у них теперь критерии оценки.

Большевики, когда грабили и раскулачивали собственный народ, неоднократно уменьшали нижнюю границу доходов и достатка для экспроприации.

В нашей богатейшей стране мира опасно быть богатым или просто состоявшимся человеком в понимании упёртых и последовательных, вечных оппозиционеров: ИДЕЙНЫХ и БОЛЬНЫХ НА ГОЛОВУ.

Может время, и здравый смысл всё расставят по своим местам...

Найти и обезвредить!

В начале 80-х годов прошлого века Арсению пришлось потрудиться в одном маленьком филиале, то ли проектно-изыскательского, то ли научно-исследовательского московского института, связанного с внедрением электронно-вычислительской техники в управление строительством.

Небольшой трудовой коллектив, в основном женский, численностью примерно 25—30 человек. При маленькой зарплате преимущества заключались в не слишком высокой интенсивности труда и в удачном местонахождении, почти в центре индустриальной части города. Поэтому большинство замужних сотрудниц успевали в рабочее время решать свои маленькие семейные и домашние дела, в то же время, находясь «на объектах».

Самыми благодатными считались должности секретарши: как у начальника отдельный кабинет, телефон, в курсе всего и минимум служебных обязанностей и уборщицы помещений: работа по совместительству на пару часов и хороший приработок к основной зарплате.

Что касается мужской части трудового сообщества, то её численность была величиной переменной. Постоянно трудилось несколько инвалидов и неудачников, а трое-четверо здоровяков с амбициями отсиживались в отделе до лучших времён и Сеня в их числе.

Вливание в новую среду прошло успешно, со всеми отношения быстро наладились, если не хорошие, то хотя бы нейтральные. Только секретарша сразу невзлюбила Арсения, наверное, за отказ танцевать с ней впритирку на вечеринке в честь какого-то праздника после трудового дня.

– Яна Михайловна! Что я вам плохого сделал»? – как-то задал ей позднее прямой вопрос Сеня.

– А чего хорошего?! – получил он исчерпывающий короткий ответ.

ЛУЧШЕ НЕ СВЯЗЫВАТЬСЯ! В остальном жизнь в конторе внешне протекала спокойно и без эксцессов. Однако всё хорошее когда-нибудь заканчивается и как-то незаметно мужская часть коллектива почувствовало на себе пристальное внимание прекрасной половины.

Это выражалось в их озабоченных перешёптываниях между собой и непонятных обсуждениях, к которым мужчин не допускали, чего ранее не наблюдалось. А также обязательным посещением туалета кем-либо из женщин сразу после того, как там побывал любой сотрудник мужчина. Арсению даже пришлось дважды столкнуться с разными дамами, едва только вышел из кабинки, закончив естественные потребности и спустив воду, хотя двери в две другие кабинки были открыты.

– Может в этой удобней и уютнее, – подумалось и вскоре забылось.

Через пару недель одного из представителей сильной половины трудового сообщества, Виктора несколько наиболее активных женщин пригласили в одну из комнат офиса, предварительно удалив из неё других мужчин. Что там произошло, остаётся только догадываться. Через пять минут допрашиваемый сотрудник вырвался оттуда с большим трудом и весь пунцовый. Таким никто его не видел ни ранее, ни позднее.

– Что случилось? – спросил его непосредственный начальник Арсений.

В ответ что-то нечленораздельное, затем Виктор удалился умыться. Когда он вернулся, то дольше обычного вытирал руки листами чистой писчей бумаги. Пользоваться общим полотенцем Виктор брезговал, а носового платка, наверное, не имел. От греха подальше Сеня отправил его с заданием в Кустовой вычислительный центр строительных организаций до конца рабочего дня, а сам поехал к заказчику, а оттуда домой.

На следующий день, после окончания работы Анатолий, коллега по работе предложил Сене пройтись пешком, разговорились. Он оказался более информированным о случившемся в тихой обители науки и прогресса.

Просто сотрудница филиала Галя и она же уборщица помещений, включая туалет, пожаловалась секретарше и своим подругам, что кто-то писает мимо унитаза на пол, а иногда и на стенки кабинки.

Так как подобное искусство отправления естественных надобностей практически не под силу любой даме, было установлено негласное наблюдение и жёсткая проверка за всеми сотрудниками мужчинами. Вот Виктор и попался практически с поличным.

Жесткого разговора и серьёзного предупреждения сотрудницам филиала показалось для проштрафившегося коллеги не достаточно. Поэтому в конце работы по их всеобщему решению последовало дополнительное наказание: была съедена копчёная рыба, обнаруженная в столе у Виктора, по-видимому, он купил её в обеденный перерыв в гастрономе на ужин в семейном кругу.

Затем на обёрточной бумаге была сделана фломастером большими печатными буквами надпись: «РЫБА – ГОВНО!!!» Остатки от рыбы завернули в эту же бумагу и положили в стол виновнику.

Вернувшись в офис и обнаружив такой подарок, туалетный экстремист вначале взвыл от злости и долго матерился, но после вызова к начальнику отдела и профилактической беседы с шефом без свидетелей успокоился.

Едва Анатолий рассказал Сене все подробности этой истории, как коллеги чуть не наступили на обронённую или брошенную кем-то на тротуаре рыбу холодного копчения. Прямо мистика какая-то....

Опасаясь более жестокой мести женщин филиала и потери работы, свои туалетные художества Виктор в дальнейшем прекратил. Всё-таки находясь в категории инвалидов и неудачников, особо выбирать – не приходится. Страсти в отделе улеглись, экстремист был обезврежен. «БУРЯ В СТАКАНЕ ВОДЫ», тихой заводи науки и прогресса улеглась.

Сомневающийся холостяк

Как-то удалось на выходные выбраться семьёй из города железного гостеприимства на природу, в гости к приятелю, моёму тёзке и убеждённому холостяку, с которым познакомились на воинских сборах. Места у него в родной деревне, если ехать в сторону Белозёрска – справа от дороги уж очень красивые и есть, где порыбачить.

Приехали ближе к вечеру, пятилетний сын Семён с дороги подустал, поэтому на рыбалку решено было отправиться с утра на ближайшее озеро, а его уложили спать. Родители Сергея от выпивки отказались и, обеспечив нас всем необходимым, отправились отдыхать.

Супруга, выпив пару рюмок, убрала всё лишнее со стола, вымыла посуду и отправилась спать вслед за сыном.

– Вот сколько подруг не привозил «на смотрины», ни одна «палец о палец не ударила», типа посуду помыть или пол подмести, а у тебя жена хоть и устала, а порядок навела и только потом ушла спать, – с лёгкой грустью высказал тёзка напрашивающуюся мысль вслух. – Некоторые, так и вообще в купальниках только загорали на участке, да купались в озере. Мать сказала, чтобы таких «невест» здесь не нужно, а я откуда знаю, как они себя поведут.

– Ну, у меня супруга, можно сказать, почти деревенская, с детства каждое лето у бабушки в деревне проводила со старшей сестрой Надеждой, так что проблем в семье по хозяйству или с воспитанием детей практически не было. А может, ты Сергей не там подругу для жизни подбираешь, в ресторанах и кафе обычно любительницы красивой жизни или приключений время проводят, – ответил приятелю и, не ожидая ответа, постарался перевести разговор в другое русло.

За пару часов мы с Сергеем осилили пару литров моего фирменного домашнего вина из изюма под неторопливую беседу о прошедших офицерских сборах, о службе в армии, о политике, о рыбалке и грибах. Для двух мужчин среднего возраста интересная тема для разговора всегда найдётся.

С утра, накопав червей и прихватив удочки, с берега озера попытались хоть что-то поймать, но клёва не было. Наверное, намечалась смена погоды.

Приятель предложил порыбачить с маленькой лодки, где втроём было бы тесновато, поэтому я уступил своё место сыну, взяв с тёзки слово: от берега далеко не отплывать, а сам продолжил рыбачить с берега.

За пару часов удалось поймать пару ершей и небольшого окунька, а рыбаки на лодке вроде и не собирались причаливать, только иногда доносился невнятный звук монологов Семёна, да сдержанный смех приятеля.

Покричал и помахал им рукой, чтобы возвращались, а сам с жалким уловом пошёл поправить здоровье.

Через полчаса в дом вбежал возбуждённый сын с ведёрком полным рыбы, а следом улыбающийся Сергей Васильевич.

– Вы тут..., а мы с дядей Серёжей рыбы вам наловили, – тотчас последовало от маленького рыбака....

Примерно лет через семь-восемь как-то встретил приятеля Сергея на улице в компании обаятельной молодой женщины и маленького мальчика с тёмно-серыми глазами.

Тёзка гордо похвастал: – Мой! И даже в паспорт вписан!

Дама с ребёнком прошли дальше, а мы накоротке побеседовали. Выяснилось, что родители у него умерли, он продолжает трудиться там же, на металлургическом комбинате, а женщина – хорошая хозяйка и мать сына, но пока не расписались.

Однако, заглянув в его тёмно-серые глаза, мне показалось, что и это событие не за горами.

Рассказчик

Начало девяностых годов прошлого столетия. Советская империя в преддверии перемен: в магазинах было пусто, на основные продукты действовала талонная система распределения. Деньги незримо обесценивались.

Позвонил приятель-тёзка, на выходные дни он собрался копать колодец рядом с недавно приобретённым домом в деревне Глины и пригласил составить компанию.

Ехать особо не хотелось, но информация о возможной продаже дома в деревне заинтересовала – давненько подыскивал для семьи что-нибудь подходящее на природе у воды, а тут возможный вариант на реке со старинным русским названием – Молога.

Выехали рано утром на «Шестёрке» с тёзкой за рулём и дочкой лет шестнадцати на переднем сидении – отец прихватил её в качестве кухарки. Нам с его молчаливым другом, брюнетом – брови домиком и явно не в настроении, достались задние сидения.

Добирались почти два часа, по дороге заехали в сельский магазинчик, где приятель по благу затоварился у знакомой продавщицы водкой. В другой деревеньке по пути прихватили его дальнего родственника, светловолосого жилистого паренька с отсутствием интеллекта на лице, внешне просто приспособленного для тяжёлой физической работы.

Прибыли. Последовал быстрый осмотр с хозяином запущенного дома и земельного участка с новым забором. Подкрепились чаем с бутербродами.

Переоделись кто, во что и за работу. К разношёрстной бригаде присоединился местный абориген с опытом земляных работ на селе.

Место под колодец хозяин выбрал заранее и подготовился основательно. Всё необходимое для рытья колодца, включая лом, лопаты, ведра, топор, лебёдку, верёвку, толстые доски и крепкие жерди оказалось в достатке. Работа как-то сразу зашпорилась, а погода в конце августа, к началу бабьего лета благоприятствовала.

К вечеру три из шести запланированных железобетонных колец оказались в земле – жилистый паренёк оправдал ожидания, почти весь день, на дне колодца бесменно вгрызаясь в землю и наполняя ведро грунтом.

У молчаливого брюнета, друга хозяина после обеда даже настроение немного улучшилось, во взгляде появилось что-то затаённое с проблесками предвкушения, возможно обещанной выпивки после бани.

Местный абориген оказался работником меткомбината, у него в Глинах родительский дом, вот и прикатил проведать предков на выходные, а заодно помочь коллеге по работе.

Ужинали в соседской бане, хорошо попарившись и наскоро вымывшись. Слегка перекусив, паренёк выпивать не стал и отправился спать пораньше – ему сегодня досталось больше всех, вконец вымотался.

Коллега по работе выпил сто грамм водки и предложил хозяину план, как избавиться от стоящей под полом в сортире двухсотлитровой бочки с дерьмом, оставшейся от предыдущего владельца дома.

Всё гениальное просто: дожидаться морозов и лебёдкой подтащить бочку с замёрзшими фекалиями к заранее выкопанной яме у забора, затем опрокинуть и закопать. Всего и делов то....

Изложив нестандартный проект и приняв пятьдесят грамм на дорожку, с чувством выполненного долга, коллега попрощался и двинулся на отдых в родительский дом.

Водка быстро закончилась, а пить самогонку и слушать пьяные разговоры потенциальных ветеранов меткомбината на производственные темы не самая удачная перспектива продолжения вечера. Отправился спать на одной из пяти металлических кроватей, принадлежащих когда-то со слов хозяина городскому роддому.

День не совсем удался, так как продавец дома в деревне так и не появился, а внешний осмотр почти ничего не дал. Забор отсутствует, и каковы размеры земельного участка не понятно, а ни деревьев, ни кустов нет....

С мыслями о прошедшем дне и возможной покупке незаметно провалился в полусон-полудрёму, продолжавшийся не более двух часов. С шумом ввалилась в помещение импровизированной спальни припозднившаяся парочка в изрядном подпитии.

– Мужики, можно же и тише, а то на завтра из нас работники просто никакие! – попытался я урезонить шёпотом разгорячённых алкоголем и спором ни о чём сотоварищей.

– Серёга, всё нормально – уже молчим и ложимся, – что-то промямлил новоиспечённый владелец дома и не вырытого колодца.

Медленно перевёл взгляд на второго собутыльника и увидел в его глазах лихорадочный блеск, только усилившийся в предвкушении чего-то для меня пока непонятного. На всякий случай слегка напрягся и настроился к любым непредсказуемым неожиданностям....

– Сейчас и я прилягу спать, лишь пару сказок взрослым детям на ночь расскажу и сразу же в кровать, – выдал нескладной скороговоркой тираду полуночник.

– Спасибо, нам не надо. И так заснём, – слабо возразил я нарождающемуся мастеру художественного слова. Бесполезно.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ НАЧАЛОСЬ!

Первой из уст РАССКАЗОЧНИКА последовала народная сказка «Колобок», зазвучавшая как-то не традиционно на разные голоса. Колобок предстал в ней хитрым и жалким созданием, а лиса почему-то добрейшей женщиной. Волк стал похожим на кавказского джигита, а медведь на «Винни Пуха». Затем ночной репертуар дополнили «Теремок», «Красная шапочка» братьев Гримм, «Мойдодыр» Корнея Чуковского и рассказы о «Карлсоне, который живёт на крыше» шведской писательницы Астрид Линдгрен....

Сон, как рукой сняло. Любые попытки как-то закрыться одеялом или спрятаться под подушку оказались бесплодными. Меняющийся по тембру и тональности голос сказителя, казалось, проникал в подкорку мозга, минуя уши. Куда там великому Ираклию Андроникову, профессионалу и признанному мастеру художественного слова, до РАССКАЗОЧНИКА.

Час пролетел на одном дыхании новоиспечённого артиста, который плавно от сказок Ганса Христиана Андерсена перешёл к сценам из жизни Винни Пуха. Все, кроме паренька, у которого на культурные представления был явный иммунитет, не могли уснуть.

Попытался силой уложить любителя детской литературы, да где там – не будешь же связывать вменяемого взрослого человека и вставлять кляп в рот. Да и остальные слушатели могут

неправильно понять, тем более такое выступление для них не в первый раз. В чужой монастырь со своим уставом не лезут.

– Дядя Серёжа, лучше не связывайтесь с ним. Пока весь репертуар не выдаст – не успокоится, – подала голос дочка хозяина в подтверждении моих мыслей.

– Или, пока весь алкогольный заряд не закончится, – добавил тёзка.

Незаметно в репертуар РАССКАЗОЧНИКА добавились басни дедушки Крылова. Медленно, но всё-таки провалился в сон или скорее в какие-то фантазмагорические видения, в которых «Баба Яга» пила самогонку с «Серым Волком», им из громадного кувшина беспрерывно наливал «Карлсон», а Лиса и Ворона пели дуэтом: – Нам песня строить и жить помогает....

Проснулся в десятом часу утра с ощущением, что на мне в качестве маленького ослика всю ночь возили воду в большой бочке. Любитель детской словесности всё ещё дрыхнул без задних ног.

После утреннего моциона за завтраком узнал потрясающую новость, что в семье у брюнета долго не было детей. Первенец и единственный сын родился, когда обоим родителям перевалило за сорок. Вот они и не чаяли души в родном дитятке, а папаше в столь зрелом возрасте пришлось научиться рассказывать сказки своему сыночку.

Долго копившееся чадолюбие сублимировалось в неожиданную форму декламатора сказок, стихов и басен для детей – РАССКАЗОЧНИКА. А направлялся раскрывшийся талант не всегда на маленького сына, но и на окружающих в случае принятия молодым отцом изрядной порции алкоголя. Так что и обижаться было вроде не на кого и не за что.

Через час молодой папаша, и артист по настроению подтянулся к колодцу, где работа была в самом разгаре, ещё одно железобетонное кольцо установили в колодец. Разговорились за жизнь с артистичной натурой. Информация о чрезмерном чадолюбии подтвердилась. Молодой папаша даже поведал сокровенное, что его пятилетний сын ночью писается в постель, а при разборках утверждает, что вспотел....

В полдень появился продавец частного дома, деловой мужчина средних лет, с которым осмотрели внутренние помещения, скорее напоминавшие трёхкомнатную городскую квартиру с паровым отоплением и канализацией, что по тем временам было большой редкостью. Даже цена за дом устроила, вот только земельный участок маловат, всего четыре сотки вокруг дома, а соток семь под картошку в полукилометре.

Но впоследствии как-то не сложилось. Председатель колхоза, на чьей земле стоял дом при личной встрече в городе заявил: – Дорогой, что ты можешь предложить моему колхозу такого, чтобы я дал согласие на переоформления договора аренды?

Предложить по тем временам мне было нечего, а отдавать изрядную сумму денег хозяину дома под расписку без оформления договора купли-продажи чисто на доверии, с когда-нибудь последующим переоформлением было бы большой глупостью даже в те времена. Тем более родственники, включая мать владельца, были категорически против продажи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.